

В.О. Бобровников

ШАРИАТСКИЕ СУДЫ И ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ

Соционормативная культура Нагорного Дагестана, как и всего Северного Кавказа, крайне неоднородна и сложна. С раннего средневековья до XX в. и мусульманское право (араб. *фикх*, *шариат*), и обычное право (араб. *урф*, *адат*) уживались здесь с разными государственными законодательствами, от кодексов Албанского и Грузинского царств до позднеосманских *канунов* и законов Российской империи и СССР. Не менее мозаичной ситуация остается и в постсоветское время. Феномен сосуществования в Дагестане разных правовых систем еще не получил серьезного теоретического осмысления. История взаимоотношений между различными местными правовыми системами мало изучена. Особенно «темной» в ней остается советская эпоха. Представляется, что помочь разобраться в особенностях развития права и общества у дагестанских горцев может опыт, накопленный за последнее время юридической антропологией.

I

Дискурс «правового плюрализма» (англ. *legal pluralism*, франц. *pluralite juridique*) еще на рубеже 1960–1970-х годов был сформулирован западными учеными, пытавшимися осмыслить свои наблюдения над системами права: в бывших колониях кроме государственного было и остается множество (*plurality*) негосударственных систем права¹. Полевыми исследованиями 1980–1990-х годов правовой плюрализм был обнаружен сначала в регионах с колониальным прошлым, а затем и в развитых индустриальных странах Запада. Появилось более дюжины его различных толкований. Чаще всего цитируется определение, которое в 1988 г. дала американская исследовательница С.Э. Мерри. По ее мнению, правовой плюрализм – это «ситуация, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном и том же социальном поле»². В основе этого определения лежит понятие «полуавтономного социального поля» (*semi-autonomous social field*), разработанное американкой С.Ф. Мур и принятое большинством сторонников правового плюрализма. Под последним понимается социальное пространство, которое «может создавать свои внутренние законы, обычаи и символы, но в то же время... подчиняется законам, решениям и иным факторам окружающего его внешнего мира. Полуавтономное социальное поле обладает способностью к правотворчеству и средствами для претворения в жизнь созданных им правовых норм; в то же время оно действует в более широком социальном пространстве, которое может влиять и проникать в него либо по желанию лиц, принадлежащих к социальному полю, либо по своей собственной инициативе»³.

Для понимания нюансов дискурса правового плюрализма следует также привести его толкование, предложенное ученым из Нидерландов Дж. Гриффитсом. Оно гласит: «Правовой плюрализм есть... положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку». Гриффитс выделяет две основные разновидности правового плюрализма. Согласно его модели, он может быть либо выражен явно (в терминологии Гриффитса он называется «сильным»), либо быть скрытым: в этом случае одна система права, например европейское позитивное право, подчиняет себе и подавляет все другие. Последний случай Гриффитс называет «слабым» правовым плюрализмом⁴.

Правовой плюрализм быстро стал одним из самых модных понятий в современной западной антропологии. В 1990-е годы его сторонники появились и среди отечест-

венных этнологов, в том числе и среди кавказоведов. М.К. Мусаева, А.И. Першиц, Я.С. Смирнова, И.Л. Бабич и другие исследователи обычного права совершенно справедливо отметили плюралистичность («полиюридизм») дореволюционных судебно-правовых институтов кавказских горцев⁵. Однако никто из них, к сожалению, не пошел дальше констатации этого довольно очевидного факта.

Все возможности полиюридического подхода к кавказской действительности еще далеко не использованы. За редкими исключениями⁶ советская эпоха еще остается «белым пятном» в этих исследованиях. К тому же большинство отечественных этнологов, использующих этот дискурс, преувеличивают архаичность правовых систем Северного Кавказа XIX–XX вв. Еще более серьезной ошибкой наших кавказоведов было включение по сути постмодернистского дискурса правового плюрализма в позитивистские схемы, против которых он был изначально направлен. Если в основе понятия правового плюрализма лежит идея множественности путей развития права, не обязательно сводящихся к появлению государственного закона, то в постсоветской этнологии оно парадоксальным образом применяется для построения моделей исторической эволюции от догосударственных к государственным формам права⁷.

Пытаясь исправить явные ошибки в толковании правового плюрализма современными отечественными этнологами, я намереваюсь в данной работе посмотреть, насколько дискурс правового плюрализма помогает понять перемены, произошедшие в судебном устройстве горцев Северного Кавказа после установления советской власти. Объектом исследования служит один небольшой, но крайне важный регион – Нагорный Дагестан. Работа основывается на первоисточниках, ранее не изучавшихся, собранных мною в архивах, а также на моих полевых материалах 1992–1997 гг.

II

Говоря о правовом плюрализме в советском Дагестане, следует различать юридическую политику советской власти и судебно-следственную практику на местах. Первая коренным образом порывала с методами управления «восточными окраинами», принятыми в дореволюционной России. В 1860–1910-е годы тут господствовала система **косвенного**, так называемого **военно-народного управления**, при котором высшая судебная и исполнительная власть была сосредоточена в руках русских чиновников, а исполнительная власть и суд в селениях и округах остались в руках местной мусульманской элиты. Для мусульман суд по адату и шариату был преобразован в трехступенчатую систему судебных институтов. Внизу ее находились сельские словесные суды, в среднем звене – окружные народные, а на верху – областной Дагестанский народный суд. Во второй половине XIX в. режим военно-народного управления был распространен на весь Северный Кавказ и Среднюю Азию. Но наиболее последовательно до 1917 г. он применялся в Дагестане⁸.

После прихода к власти большевики попытались полностью изменить организацию управления на Северном Кавказе. Вместо косвенного управления через туземцев-мусульман они предлагали создать целый ряд независимых судебных учреждений, каждое из которых опиралось на свою правовую традицию. Наряду с общероссийскими революционными органами для трудящихся мусульман должны были быть созданы местные суды, апеллировавшие к нормам адата и шариата. Для мусульманских подданных советской России первоначально создавалась довольно широкая судебно-административная автономия.

Важно также отметить, что сам правовой дискурс власть предрежащих сильно изменился. Если в дореволюционной России ключевыми понятиями были «дикость» и «цивилизация», то в советское время право стали увязывать с понятиями «господство» и «подчинение». Идеологи дореволюционных реформ вдохновлялись благородным стремлением приобщить «диких» сынов Кавказа к достижениям современной европейской цивилизации. Ранние советские реформаторы были воодушевлены не менее благородным желанием освободить горцев от классового и колониального порабощения.

Согласно марксистской теории, возведенной в ранг государственной идеологии советской России, любое право есть воля господствующего класса, возведенная в закон. Она зиждется на определенном экономическом базисе. Право возникает с зарождением классов и государства и служит в классовом обществе средством эксплуатации угнетенных масс. Эти идеи отчетливо выражены в целом ряде работ и выступлений первого руководителя советского государства В.И. Ленина. «Что такое закон? – писал он. – Выражение воли господствующих классов»⁹. С нескрываемой ненавистью Ленин выступал против законов Российской империи: «Смешно говорить о «праве», когда помещики и издают законы и применяют или отменяют их на практике. Значит, есть такой класс, который сам творит "право" и сам отменяет его»¹⁰.

В глазах большевиков, всю жизнь борющихся со «старым режимом», Российская империя была «тюрьмой народов». Говоря о ее «восточных окраинах», Ленин и другие теоретики советских реформ полагали, что живущие здесь мусульмане и прочие «инородцы» находятся под двойным гнетом – российских колонизаторов и собственных феодалов и капиталистов. Местное обычное право, которое было узаконено в Дагестане при дореволюционном режиме военном-народного управления, казалось им орудием двойной – классовой и колониальной – эксплуатации.

Точку зрения советских правоведов на обычное право хорошо выразил известный юрист 1930-х годов С.А. Голунский. По его мнению, законодательное закрепление адата в поздней Российской империи означало складывание нового, по сути колониального права, лишь маскирующегося под «народные обычаи». «Созданное таким образом обычное право, – писал он, – становится одной из самых реакционных сил, упорно сопротивляясь всякому прогрессу, тщательно охраняя всякий кнут, только потому, что это, по выражению К. Маркса, старый «исторический кнут»»¹¹. Позднее под влиянием идей марксизма к подобным выводам пришли современные западные исследователи обычного права в странах с колониальным прошлым¹².

Итак, адат большевики считали «антинародным колониальным» правом, а его сущность видели в «эксплуатации трудящихся мусульман ханами и беками при поддержке царизма». «Подлинным народным обычным правом» (sic!) северокавказских горцев молодое советское государство признало шариат¹³. Поэтому в советских судебно-административных реформах этого времени ставка была сделана на поддержку шариата. Подобные взгляды, не раз высказывавшиеся В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кировым, А.И. Микояном и другими руководителями советского государства, определили судебную политику советской власти в Дагестане начала 1920-х годов¹⁴.

Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, И.В. Сталин, бывший тогда наркомом по делам национальностей, заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям. Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом (sic! – В.Б.), какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены»¹⁵.

III

Пока советская власть была слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Расчет оказался верен. В Дагестане власть большевиков была установлена во многом благодаря военной помощи, которую оказали Красной Армии партизанские отряды известного

мусульманского религиозного и политического деятеля накшбандийского шейха Али-Хаджи из с. Акуша (Акушинского). Последний встал на сторону большевиков еще в конце 1917 г. В последующем он совместно с ними вел борьбу против белого движения¹⁶.

Недаром еще в первые месяцы после революции 1917 г. Дагестанский областной военно-революционный комитет (ВРК) в г. Темир-Хан-Шура, представлявший советскую власть в крае, заявил о своей поддержке шариата. В одном из его первых воззваний (апрель 1918 г.) говорилось: «Военно-революционный комитет не посягает ни на основы Ислама-Шариата (так в документе. – В.Б.), ни на нравы и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинство его, и немедленно приступит к организации духовного правления Шариатского суда (так в документе. – В.Б.) во всем Дагестане»¹⁷. Сразу после завершения гражданской войны и окончательного установления советской власти в Дагестане и в целом на Северном Кавказе большевики вновь объявили о замене адатных судов шариатскими.

История шариатских судов XX в. в регионе начинается осенью 1917 г. Первая резолюция о создании шариатских судов была принята на I Съезде горских народов Кавказа, проходившем в мае 1917 г. во Владикавказе. Съезд постановил: «ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата»¹⁸. Вскоре это решение было подтверждено I Съездом народов Терека, состоявшимся в январе 1918 г. в Моздоке¹⁹.

Отчасти согласно постановлениям съездов, отчасти стихийно в 1918 г. городские шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением – во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре. В крупных селениях на равнине, в горах и предгорьях начали действовать сельские шариатские суды. Они заменили собой дореволюционные словесные или народные суды Кубанской и Терской областей. Как и дореволюционные горские и народные суды, они разбирали уголовные и отчасти поземельные споры между мусульманами согласно местному адату, а гражданско-семейные и наследственные споры – по шариату. При этом на Северо-Западном Кавказе следовали *ханафитскому* толку мусульманского права, в Дагестане и Чечне – *шафиитскому* (среди мусульман-суннитов), а в Азербайджане – *джафаритскому* (признанному мусульманами-шиитами)²⁰.

С началом гражданской войны уже в январе 1919 г. шариатские суды были преобразованы в военно-шариатские. Они по сути играли роль полевых трибуналов и почти не руководствовались нормами шариата. При сменявших друг друга военных режимах их зачастую использовали для сведения счетов с политическими противниками²¹. С их помощью отряды турецких оккупационных войск (например, полковника Л.Ф. Бичерахова) и Добровольческой армии генерала А.И. Деникина расправлялись с большевиками и сторонниками Северокавказского эмирата, созданного в горах Чечни накшбандийским шейхом Узун-Хаджи. Так, в июле 1919 г. главный военно-шариатский суд Темир-Хан-Шуры приговорил к смертной казни У. Буйнакского и других советских работников Дагестана, арестованных деникинцами. Члены этого суда в свою очередь были расстреляны в марте 1920 г. по приговору революционного шариатского суда, учрежденного вернувшимися в город большевиками²².

После окончания гражданской войны на Северном Кавказе шариатские суды были узаконены как в Дагестане, так и в других республиках, где они существовали до большевиков, – в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарде, Карачае. Дело в том, что в установлении советской власти в этих местах активно участвовали радикальные мусульманские лидеры, в советских документах называвшиеся «шариатистами». Их лозунг звучал так: «Да здравствует советская власть, шариат и объединение народа!». Среди них многие одновременно с работой в шариатских судах занимали видные советские и партийные посты. Например, «шариатист» Н. Катханов командовал войсками Нальчикского военного округа²³.

Дагестанский Ревком еще до официального образования Дагестанской АССР утвердил 24 июня 1920 г. «Положение о шариатских судах». Полномочия этих судов

были определены Положением Дагестанского ЦИК 30 июля 1922 г.²⁴ В Дагестанской АССР функции дореволюционных сельских словесных судов переходили к сельским шариатским судам (по тогдашнему словоупотреблению, «шарсудам»), а окружных народных судов – к окружным шариатским судам. К 1923 г. последние были введены во всех окружных центрах. Всего в республике было образовано 11 окружных шарсудов²⁵. Вместо Дагестанского народного суда был создан сначала Областной шариатский судебный отдел Дагестанского Ревкома, а в 1922 г. – Шариатский подотдел Наркомюста (НКЮ) ДАССР. Его председателем стал Ш. Рашкуев. Контроль за работой сельских и окружных шарсудов был поручен окружным следственным комиссиям²⁶.

Несмотря на крутой поворот в идеологии судебных реформ, на практике формы правового плюрализма в раннем советском Дагестане и других советских автономиях на Северном Кавказе не претерпели существенных изменений. Фактически сменив старые названия («словесные» на «шариатские»), сельские и окружные суды сохранили прежний состав, функции и процедуры разбора уголовных и гражданско-семейных дел. Они сохранили *status quo*, унаследовав немало черт дореволюционного адатно-шариатского права и процесса. Полуавтономные социальные поля, внутри которых вырабатывались нормы местного права, остались прежними. Это были отдельные сельские общины (араб. *джамааты*) и округа, в основе которых лежали границы прежних сельских конфедераций («вольных обществ»). Что же можно сказать о преемственности между дореволюционными словесными и народными судами, с одной стороны, и советскими шариатскими судами – с другой?

Во-первых, состав сельского шарсуда почти не отличался от словесного. В него входили имам соборной мечети (араб. *кади*, иран. *дибир*, тюрк. *мулла*), председатель сельсовета, заменивший дореволюционного сельского старосту (которого по-прежнему называли «сельским головой» – тюрк. *бегавул*), письмоводитель (араб. *амил*) и несколько человек старейшин в зависимости от размера селения. Председателем суда обычно был *дибир*²⁷. Штат окружного шарсуда состоял из председателя, секретаря и четырех судей. Следственные комиссии при них состояли из трех человек. В состав Шариатского подотдела НКЮ входил заведующий и секретарь. Штаты следственных комиссий и окружных шарсудов не везде были укомплектованы полностью²⁸.

Среди председателей окружных шарсудов, назначавшихся окружными советами, были такие известные всему Дагестану знатоки мусульманского права (*фикх*) шафиитского толка и адата, как Али Каяев из с. Кумух, Абусуфьян Акаев из с. Казанищи²⁹. В благодарность за помощь Красной Армии во время гражданской войны постановлением ЦИК и СНК ДАССР главой аппарата шариатского судебного управления был назначен Али-Хаджи из с. Акуша. До революции он работал в окружном народном суде. Первое время Али-Хаджи был председателем Шариатского отдела НКЮ и обладал статусом заместителя народного комиссара юстиции, затем выполнял обязанности председателя одного из окружных шарсудов³⁰.

Несмотря на свое название, шарсуды продолжали руководствоваться в работе не только мусульманским правом, но и нормами адата. Их низовые сельские органы разбирали по шариату только бракоразводные дела, иски по которым не превышали 100 руб. (в ценах 1922 г.), и иски о наследовании и опекунов, не превышавшие 300 руб. Согласно адату, они рассматривали мелкие уголовные преступления против личности (семейные ссоры, драки между односельчанами, публичные оскорбления женщин) и собственности (обман, утайку денег, воровство), а также хозяйственные преступления (потравы), если сумма ущерба не превышала 100 руб.³¹

Окружные шариатские суды служили апелляционной инстанцией для сельских шариатских судов, а также решали по шариату гражданские и семейные тяжбы на сумму до 1000 руб. Подсудные им тяжелые уголовные преступления против личности (ранения, изнасилования, похищения женщин) и собственности (крупное воровство, случаи разбоя и грабежа) разбирались на основании норм адата. Нормы адата также нередко использовал Шариатский подотдел НКЮ ДАССР, в обязанности которого

входило разбирать жалобы на решения окружных народных судов, гражданские и уголовные иски, превышавшие 1000 руб.³²

По форме судопроизводство шарсудов всех уровней оставалось крайне простым. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Если заявление не требовало немедленного разбирательства, сельский суд собирался в здании сельсовета или на центральной площади (*годекан, гим*) у мечети или в самой мечети по пятницам. Кроме изнасилований, увоза девушек и оскорбления замужних женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно³³.

В уголовных делах шарсуды всех уровней руководствовались принятыми в адате наказаниями: изгнанием кровника (тюрк. *канлы*) из сельской общины, штрафами за пролитие крови (араб. *дият*, тюрк. *алым*) и за любой ущерб, нанесенный собственности, взимавшимися как в пользу пострадавшего, так и в пользу государства. Еще шире, чем до революции, стали применяться денежные компенсации и тюремное наказание³⁴. Вместе с тем (как и при военно-народном управлении) остались запрещенными нормы адата, прямо противоречащие советскому законодательству: кровная месть, захват имущества родственников или односельчан неисправного должника (*ишкиль/баранта*) и некоторые другие. Под запретом оказались и уголовные нормы шариата (араб. *худуд*): смертная казнь убийцы, отрубание руки вору, побивание камнями прелюбодеев³⁵.

В ответ на запросы, приходившие в Областной народно-шариатский отдел Дагестанского Ревкома, еще в апреле 1920 г. было сделано распоряжение, ограничивающее на территории Дагестана применение уголовных норм шариата, влекущих за собой смерть или членовредительство. Все приговоры шарсудов, касающиеся этих норм, могли быть приведены в исполнение только после утверждения их высшими органами судебной власти в республике: «Так как применение смертной казни к убийцам, отрезания рук вора и побивание камнями некоторого рода преступников не практиковалось до сих пор в Дагестане, то применение этих наказаний требует особых осторожностей, тем более, что Шариат как в оценке доказательств преступления, так и в оценке смягчающих вину обстоятельств дает Суду почти всегда некоторую свободу квалификации преступления и соответствующего назначения наказания. Поэтому все решения Судов, по коим виновные приговорены к смертной казни, отрезанию членов тела и проч. подлежат к просмотру Народно-Шариатского Судебного отдела, без утверждения коего решения эти не входят в законную силу. Все Суды обязаны дела, по коим приговорами определены означенного рода наказания, немедленно представлять на окончательное разрешение Народно-Шариатского Судебного отдела, если даже ни жалобы, ни протеста не поступило» (сохранены стиль и орфография подлинника. – В.Б.)³⁶.

Как и до революции, в 1920-е годы отличительной чертой дагестанской общественной жизни оставался отчетливый (или «сильный», по терминологии Гриффитса) правовой плюрализм, сосуществование в республике нескольких судебно-правовых систем. Полиюридизм еще более усилился. Кроме шарсудов, были созданы суды, которые назывались так же, как и дореволюционные, – «народные» и «сельские словесные», а также земельные комиссии. Первые народные суды возникли в июле 1920 г. В их штат входили народный судья, добавочный судья, секретарь, помощник секретаря и сторож-курьер. Они могли рассматривать гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения мусульман со стороны немусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались и тяжбы между мусульманами в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, а с 1923 г. и дела по убийствам и кровной мести³⁷. Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству.

Малочисленность народных судов, существовавших к 1922 г. только в городах Порт-Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре и 14 крупнейших горных селениях³⁸, а также трудность их финансирования и перевода их решений на языки народов Дагестана заставили правительство ДАССР дополнить эти учреждения сельскими

словесными судами. С их помощью оно надеялось ограничить влияние шарсудов, начавшее волновать дагестанских коммунистов³⁹.

СНК республики и лично А. Тахо-Годи, выполнявший обязанности наркома юстиции, долго боролись за введение словесных судов, преодолевая сопротивление московских властей, считавших, что создание лишних судебных органов повлечет дополнительные налоговые тяготы для трудящихся горских крестьян, обязанных содержать такие суды. Поэтому в январе 1925 г. СНК РСФСР отклонил просьбу Дагестана о создании словесных судов⁴⁰. Только после повторного ходатайства, возбужденного известным этнографом и краеведом А. Скачко, бывшим в то время представителем ДАССР при Президиуме ВЦИК СССР, удалось создать эти органы⁴¹.

В словесных судах разбирались те же иски, что и в народных, а также дела по установлению опеки над вдовами и сиротами, а с 1922 г. и дела, изъятые из ведения шарсудов. Причем как и дореволюционные словесные суды, советские сельские суды обходились без письменного делопроизводства, в чем можно видеть влияние общеправового процесса. От сельских судов они также унаследовали древний адатный институт сельских исполнителей (тюрк. *чауш*), которые получили в 1925 г. статус сельских милиционеров⁴².

Поземельные споры, до революции разбиравшиеся в окружных и дагестанском народных судах, в ДАССР перешли в ведение созданных здесь в 1922 г. окружных земельных комиссий. На основании статей 206, 207 и 208 Земельного кодекса РСФСР они должны были регулировать все спорные дела по землеустройству и тяжбы между сельскими общинами и частными лицами о правах на владение и пользование земельными угодьями на территории республики. Земельная комиссия состояла из председателя, представителя окружного совета и землемера. В мае 1923 г. для контроля и координации деятельности этих комиссий была создана Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР⁴³.

Подобно шариатским и сельским словесным судам земельные комиссии обеих уровней использовали в своей работе нормы обычного права. Они нередко устраивали примирение тяжущихся сторон (араб. *маслихат*) при посредничестве окружных властей, знатоков адата и авторитетных стариков из нейтральных селений⁴⁴. Согласно ежегодным отчетам окружных отделений НКЮ ДАССР, большое число поземельных, а также вызванных ими гражданских и уголовных исков прекращалось путем примирения по адату. Например, в Кюринском народном суде и окружной земельной комиссии осенью 1925 г. ежемесячно от 44,4 до 50% судебных дел было прекращено вследствие примирения сторон⁴⁵.

Статистики дел в сельских шариатских и словесных судах не велось. О положении на местах можно судить только по отдельным отчетам следственных комиссий. Они показывают, что на уровне отдельного джамаата в подавляющем большинстве случаев местное горское население предпочитало обращаться в шарсуды. Недаром в докладе о деятельности шариатских и сельских словесных судов А. Тахо-Годи признал необходимость «постановления сельских шариатских судов, хотя бы и не отвечающие духу времени, оставлять в силе»⁴⁶.

На уровне округов влияние советских судебных учреждений было сильнее. В случае разбора тяжелых уголовных правонарушений, таких как убийства, обвиняемые часто обращались в народные суды с просьбой о пересмотре решений окружных шарсудов⁴⁷. Еще чаще сюда поступали жалобы на решения шарсудов о наследовании и разделе имущества⁴⁸. Уже через несколько лет после установления советской власти большая часть уголовных и гражданских исков на уровне округов и всего Дагестана перешла в ведение нарсудов.

Цифры говорят сами за себя. Так, согласно ежегодным отчетам НКЮ ДАССР, в августе 1921 г. в Кюринский окружной шариатский суд (на юге республики) поступило 30 гражданских и уголовных исков, из которых в Дагестанский народный суд было передано 5 тяжб. За тот же период в народном суде округа было возбуждено 63 дела⁴⁹. В 1923 г. всего по Дагестану в нарсуды поступило 5433 уголовных и 3062 гражд-

данских иска; в окружные шарсуды поступило 1046 дел. В 1924 г. в нарсуды поступило 6315 уголовных и 5136 гражданских тяжб. За этот же период в окружные шарсуды поступило всего 57 дел. В следующем году их число выросло до 158. Однако народные суды рассмотрели в 1925 г. в 10 раз больше исков: 8060 уголовных и 10 366 гражданских⁵⁰.

IV

Интересно сопоставить положение с шарсудами в Дагестане с обстановкой, сложившейся после революции в других районах Северного Кавказа. В первые пять – семь лет после установления советской власти там также господствовал явный правовой плюрализм. Уже в первые советские годы в каждой автономии Северного Кавказа была создана своя иерархия шариатских судов (араб. *махаким шар'ийа*), или шарсудов, как их стали называть в это время. В отличие от Дагестанской АССР в остальных советских автономиях региона структура шариатского правосудия была проще. Согласно постановлению «О введении шариатского судопроизводства» (апрель 1921 г.), в Горской АССР его основным звеном стали окружные «шариатские тройки» под председательством шариатского судьи (тюрк. *эфенди*). Они разбирали гражданские и наследственные споры на сумму до 200 руб., кражи и другие мелкие уголовные правонарушения, а также составляли «списки порочных лиц», т.е. преступников-рецидивистов, подлежащих высылке с Кавказа или заключению в исправительно-трудовой лагерь⁵¹.

Наиболее широкими полномочиями окружные шарсуды были наделены в Чечне и Ингушетии. Здесь их решения мог обжаловать только Верховный суд РСФСР. В Кабарде и Адыгее жалобы на решения окружных шарсудов подавались в республиканский Наркомат юстиции. Наконец, в Кубано-Черноморской республике вместо шариатских судов была учреждена должность кади в составе народных судов⁵².

Согласно официальной советской статистике, на Северо-Западном Кавказе шарсуды ежегодно разбирали до 30–50% всех судебных дел; в Чечне – до 70–80%⁵³. Местные мусульмане по ряду причин предпочитали обращаться не в советский народный, а в шариатский суд. Дело в том, что судоговорение тут проходило на понятном им родном языке. Немалую роль при этом играл авторитет местных имамов, участвовавших в работе шарсудов. Среди их председателей были популярные на Северном Кавказе мусульманские шейхи – например, Али Абуков в Кабарде. Кроме того, шарсуды меньше страдали от бумажной волокиты, столь характерной для всех советских учреждений. Наряду с мусульманским правом при решении уголовных и поземельных дел шарсуды продолжали руководствоваться нормами распространенного у кавказских горцев обычного права (такими, как очистительная присяга, штрафы, примирение, высылка кровника и пр.).

V

Наступление окрепшей советской власти на шариатские суды началось накануне осуществления на Кавказе государственных программ по индустриализации и коллективизации хозяйства всей страны. Задумав насильственно изменить структуру местного общества, советские руководители в первую очередь решили обезглавить его, поставив вне закона мусульманских лидеров города и деревни. Уже в первой половине 1920-х годов шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание тех мусульманских общин, которые того пожелали. Тяжелые уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды⁵⁴.

Наиболее активные противники советской власти лишались избирательных прав и исключались из состава шарсудов. В Северной Осетии, Адыгее и Кабарде многие знатоки шариата были отстранены от судебной практики. Согласно общероссийскому и

республиканским законодательством, баллотироваться в члены шарсудов не могли лица, ограниченные в избирательных правах⁵⁵. Должность председателей шарсудов нередко занимали лояльные к власти выходцы из беднейших слоев, абсолютно невежественные в вопросах права⁵⁶. Все это значительно затрудняло нормальную работу шариатских судов.

Первые попытки отменить действие шариатского правосудия на Северном Кавказе относятся к 1922 г. На территории Горской АССР шарсуды несколько раз то закрывали, то в ответ на жалобы и волнения мусульман вновь восстанавливали. Окончательно их запретили сначала в Северной Осетии, где мусульмане составляли меньшинство населения, в 1924 г. – в Горской республике, в январе 1925 г. – в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 г. – в Ингушетии и Чечне⁵⁷.

Преследования бывших членов шарсудов продолжались в 1930-е и 1940-е годы. Большинство кабардинских «шариатистов» было расстреляно. Гонения на членов шариатских судов и насильственное объединение крестьян-мусульман в колхозы вызвали на советском Кавказе волну долго не прекращавшихся волнений, которые впоследствии в течение многих лет замалчивались. Только совсем недавно открытие секретных архивов КГБ и КПСС дало возможность ученым познакомиться с подробностями наиболее крупных из этих выступлений, возглавлявшихся прежними членами шарсудов. Это Баксанское и Верхнекурповское «дела» 1928–1929 гг. в Кабарде, восстания 1930 г. в Большом Карачае, бунты горцев Чечено-Ингушетии 1934–1936 и 1940–1942 гг.

Одним из главных требований восставших было восстановление шариатских судов⁵⁸. Восстания были жестоко подавлены Красной Армией при поддержке отрядов НКВД. Руководители восстаний были расстреляны, большинство участников осуждены на разные сроки заключения в лагерях. В 1944 г. целые мусульманские народы – чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы – были насильно депортированы в Казахстан и Среднюю Азию.

В Дагестане перелом в судебной политике произошел намного позже, чем в других советских автономиях Северного Кавказа. Советская власть достаточно окрепла тут только к концу 1920-х годов. В исламе она начала видеть уже не союзника, а противника. В это время начинается борьба с «вредными феодально-патриархальными пережитками прошлого», под которыми идеологи советских реформ стали подразумевать также адат и шариат⁵⁹. Главный упор в этой борьбе в 1930–1950-е годы был перенесен на шариат. Был взят курс на уничтожение правового плюрализма и создание единой советской судебно-правовой системы.

Давление государства на шарсуды Дагестана началось в середине 1920-х годов. Решением Дагестанского ЦИК, принятым 20 сентября 1924 г., шариатские суды всех уровней были сняты с казенного содержания. Все канцелярские расходы, наем и отопление помещений, заработную плату судьям теперь должны были оплачивать те сельские общины, которые хотели иметь у себя шариатские суды⁶⁰. Как уже отмечалось выше, из ведения шарсудов в 1922–1925 гг. были выведены поземельные споры, убийства, опекунские дела.

Под нажимом советской власти число шарсудов постепенно сокращалось. Если в 1923 г. окружных шарсудов было 11, то в 1924 г. – 9, а в начале 1926 г. – 8. Многие селения юга и центра республики так и не добились открытия у себя сельских шарсудов⁶¹. Наконец, специальным постановлением ЦИК и СНК ДАССР 18 апреля 1927 г. были упразднены окружные и сельские шарсуды, а 1 октября 1927 г. – Шариатский подотдел Наркомюста республики⁶². Продолжение деятельности шарсудов, не подчинившихся постановлению, стало рассматриваться как уголовное преступление (по ст. 125 УК РСФСР 1926 г.)⁶³.

В конце 1920-х – 1930-е годы судебная организация дагестанской деревни была полностью преобразована. Тут появились абсолютно новые полуавтономные социальные поля, в которых были сосредоточены выработка и применение правовых норм – колхоз (совхоз) и район. Согласно Конституции ДАССР 1927 г., округа были

разделены на небольшие районы. К 1939 г. число районов возросло до 39. Благодаря новому районированию члены советских судов смогли чаще выезжать в отдаленные горные селения, жители которых прежде годами не видели у себя представителей советской власти⁶⁴. «В целях приближения суда к населению, вовлечения в его работу широких трудовых масс и упрощения порядка разбора мелких уголовных, гражданских, трудовых и земельных дел» 4 мая 1931 г. были созданы сельские общественные суды. Они разбирали мелкие уголовные и гражданские дела, размер исков в которых не превышал 75 руб.⁶⁵

Для укрепления советской судебной системы функции упраздненных в 1928 г. словесных судов были переданы исполкомам сельских Советов, созданным в дагестанской деревне еще в 1920–1922 гг. Последним предоставлялось право производства дознания в целях обнаружения и расследования преступлений и других нарушений закона и привлечения виновных к ответственности в судебном или административном порядке. В связи с этим была принята инструкция, согласно которой сельсоветы имели право принимать устные и письменные заявления граждан, правительственных и общественных учреждений об усмотренных ими преступлениях, административных нарушениях и т.д.⁶⁶

Преобразованию подверглись и земельные комиссии. Возглавлявшая их Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР упразднилась решением Наркомюста республики 2 ноября 1926 г. Вместо нее через два года была создана Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам. Ей в свою очередь были переподчинены окружные земельные комиссии, преобразованные в 1928 г. в кантонные⁶⁷. Предполагалось, что они возникнут в каждом кантоне (административной единице, на которые первоначально были разделены районы. – В.Б.). Однако из-за отсутствия в их штатах председателей, текучести кадров и волокиты эти новые комиссии так и не успели приступить к работе в большинстве районов Дагестана. В 1930 г. все 28 кантонных комиссий и Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам были упразднены⁶⁸. С этого времени урегулирование поземельных споров и столкновений было передано в руки районных советов. Апелляционной инстанцией для них стали республиканский Наркомзем и Дагестанский обком ВКП(б).

Дагестанские власти позаботились не только об организационной перестройке судебной системы местной мусульманской деревни, но и о модернизации правосознания ее жителей. Дело в том, что до начала 1930-х годов подавляющее большинство дагестанцев, в том числе местное советское начальство и коммунисты, совсем не знали советских законов. Нередко они путали нормы адата, шариата и советского права. Судоговорение в шариатских судах проходило на местных языках, большинство из которых не имело письменности, а судебные решения и постановления властей до начала 1930-х годов записывались на арабском языке или арабской графикой (на *'аджаме*) на тюркских либо на наиболее распространенных нахско-дагестанских языках. К советским судам, штат которых на 60% состоял из русских переселенцев, многие горцы относились с недоверием, так как с трудом могли понимать их, ведь до 1950-х годов мало кто в горах знал русский язык.

«Коренизация» советского аппарата Дагестана, проведенная в конце 1920-х годов, позволила ввести в сельские и народные суды, а также в местные советы представителей коренных народов республики, пользовавшихся большим авторитетом у местного населения. Согласно докладу Наркомата юстиции ДАССР «О работе, проведенной во исполнение директив по коренизации аппарата», к 1930 г. «в низовой сети судебно-следственных органов коренизация проведена в общем на 60 процентов, что в условиях Дагестана, где имеется известный процент русского населения, можно считать нормальным; все судебно-следственные должности в горных районах с коренным населением заполнены аборигенами Дагестана. В плоскостных районах с русским населением судьи и следователи и даже райпрокуроры – русские»⁶⁹.

Для более эффективной борьбы с местными адатно-шариатскими традициями в 1928 г. на Дагестан было распространено действие гл. X Уголовного кодекса РСФСР

«О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Среди квалифицированных таким образом дореволюционных правовых норм и институтов кроме шариатских встречалось немало и чисто адатных: взимание дията с убийцы (ст. 194 гл. X УК РСФСР), отказ от примирения-*маслихата* и продолжение кровотошнения (ст. 195), умыкание девушек с целью вступления с ними в брак (ст. 197), захват скота несостоятельного ли отказывающегося от уплаты долга должника (баранта, ст. 200–202), осуществление суда, согласно адату (ст. 203)⁷⁰.

Любопытно отметить, что для пресечения кровной мести, баранты и других типичных для Дагестана уголовных деяний гл. X использует и наказания, заимствованные из дореволюционного адата, такие как изгнание убийцы и его ближайших родственников из общины его кровных врагов (ст. 195), денежные композиции (ст. 199, 200, 203, 204)⁷¹. Более того, в 1930-е годы руководители дагестанского Наркомюста спрашивали у центра разрешения ввести в гл. X положение о смертной казни за убийства, совершенные «на почве кровной мести»⁷². Тем самым они неосознанно пытались ввести в Уголовный кодекс древний талионный принцип адата, запрещенный еще во время реформы обычного права в XIX в. Однако из-за сопротивления московских юристов эта поправка в УК РСФСР не вошла.

В целях юридического просвещения местного мусульманского населения Президиум ЦИК ДАССР 20 января 1938 г. принял решение начать издание Уголовного, Уголовно-процессуального, Гражданского, Гражданско-процессуального и иных кодексов РСФСР, а также инструкцию о порядке осуществления судебных решений на наиболее распространенных языках народов Дагестана, получивших в 1938 г. новую кириллическую письменность, – аварском, лакском, даргинском, лезгинском и кумыкском. Коллегия Наркомюста ДАССР приняла решение о подготовке перевода делопроизводства народных судов на местные языки⁷³.

С конца 1920-х годов исполкомы райсоветов стали оповещать сельских жителей о важнейших постановлениях общесоюзного и республиканского НКЮ и НКВД по радио. С 1927 г. началось вещание Махачкалинской радиостанции. Через 10 лет в Дагестане действовало уже 13 радиоузлов. К 1950 г. были радиофицированы все райцентры и 294 колхоза⁷⁴.

Несмотря на упорную борьбу советской власти с адатом и шариатом, полностью искоренить их в Дагестане не удалось. В обход строгим предписаниям «сверху» колхозная деревня смогла удержать и приспособить к новым условиям некоторые уголовные и поземельные нормы обычного и мусульманского права. В своей работе народные суды на местах продолжали следовать слегка видоизмененным процессуальным нормам адата. Полиюридизм судебно-правовой системы республики сохранился, но принял более скрытую (или «слабую», по терминологии Гриффитса) форму. Свидетельство тому – постоянная обеспокоенность советских и партийных руководителей республики «вредными пережитками прошлого»⁷⁵.

Обком КПСС не раз принимал решения, направленные на «искоренение пережитков адата и шариата в колхозной деревне», однако они так и не были ликвидированы. Этим проблемам были посвящены республиканские совещания в августе 1951 г. и апреле 1955 г., а также III пленум Дагестанского обкома КПСС, состоявшийся 2–3 октября 1956 г. В своем решении пленум наметил конкретные мероприятия по усилению борьбы «с пережитками патриархально-феодалных отношений и религиозными суевериями (подразумевая под ними обычное право и шариат. – В.Б.)»⁷⁶. В критике этих «пережитков» приняли участие известные народные поэты Дагестана, в частности Гамзат Цадаса, посвятивший этой теме свою книгу «Метла адатов», не раз переиздававшуюся огромными тиражами на аварском и русском языках⁷⁷.

VI

В 1960–1970-е годы отношение к адату и шариату в Дагестане опять изменилось. К этому времени необратимость советских преобразований на Северном Кавказе стала очевидной. Теперь уже можно было не бояться возрождения тут дореволюционного

режима. Советская власть уже не видела в адате опасной силы, которую могли использовать ее политические противники. И вот в 1960-е годы республиканская пресса заговорила о необходимости отличать «полезные» адаты от «вредных». Продолжая громить такие «пережитки адата», как неравноправие женщин, кровную месть, а заодно и шариат, и народные исламские культы святых шейхов, газеты и журналы все более сочувственно отзывались о горских обычаях почитания старших, мирного урегулирования конфликтов между односельчанами, бережливого отношения к общественной собственности⁷⁸. По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить «полезные адаты» на службу социалистическому строительству.

С этой целью в ряде горных районов при сельсоветах стали создавать советы старейшин, включавшие от 3 до 15 мужчин старшего возраста. В их задачи входили помощь народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе или совхозе, урегулирование разногласий в случае столкновений между его членами, по возможности предупреждение случаев кровной мести, поддержание в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и охрана колхозной собственности от расхищения. В 1960–1980-е годы такие советы действовали в нескольких десятках горных и равнинных селений. В Ахтынском р-не к концу 1970-х годов они были организованы при всех сельсоветах. Больше всего советов старейшин насчитывалось в колхозах и совхозах на равнине. Единственный случай создания районного совета старейшин известен в Новолакском р-не. Возможно, это было связано с тем, что горцы из разных высокогорных местностей заселили земли, освободившиеся после депортации чеченцев (1944 г.)⁷⁹.

В 1950–1970-х годах происходило добровольное переселение жителей Нагорного Дагестана на равнину и в предгорье. В их аулах для пропаганды «полезных адатов» и искоренения «вредных традиций, несовместимых с социалистическим образом жизни», в 1970-е годы были также созданы комиссии по борьбе с пережитками прошлого в быту и внедрением новых обрядов и обычаев⁸⁰. В них вошли пожилые мужчины 60–70 лет. Среди них было немало первых горских комсомольцев и коммунистов 1920–1930-х годов, участников красного партизанского движения и установления советской власти в горах.

Роль этих комиссий особенно возросла в конце 1970 – начале 1980-х годов, когда они помогали партии и КГБ бороться со стихийным исламским движением, охватившим несколько десятков переселенческих аулов на северо-востоке Дагестана. Сельские сходы, проведенные под руководством комиссий, выразили самые верноподданнические чувства по отношению к советской власти. Они просили предать уголовной ответственности руководителей исламских групп, призывавших сельскую молодежь следовать законам шариата⁸¹. Переход к политике опоры на «полезные адаты» подготовил почву для движения за возрождение дагестанского адата, охватившего республику в 1990-е годы.

Итак, к этому времени в Дагестане стали создаваться новые традиции⁸². Именно в эти десятилетия складываются представления о «традиционализме» дагестанской деревни, которые проецируются в далекое прошлое. Как раз тогда в науке восторжествовала в целом априорная идея о геронтократии дореформенного дагестанского общества. Никаких достоверных фактов в защиту этой теории не найдено. В то же время в судебной практике горской деревни при отсутствии официально признанных местных юридических институтов господствовал скрытый, или «слабый», правовой плюрализм, при котором советские народные суды зачастую прибегали в своей деятельности к уголовным и судебно-гражданским нормам обычного и мусульманского права⁸³.

* * *

Какие основные выводы можно сделать из рассмотренных выше материалов? С самого начала советская правовая политика пыталась порвать с дореволюционной практикой косвенного управления горцами-мусульманами («военно-народное управле-

ние»). Резко изменился даже правовой дискурс, начавший осмысливать право в марксистских категориях. Однако на практике осуществить эту задачу оказалось нелегко. Шариатские суды 1920-х годов унаследовали основные черты дореволюционных словесных и народных судов. При разборе уголовных дел они следовали несколько видоизмененному местному адату, а в гражданско-семейных исках руководствовались разными правовыми школами шариата, исторически прижившихся у различных мусульманских народов региона.

В 1930–1950-е годы в судебной политике и практике советского государства в Дагестане и в других автономиях на советском Востоке произошел перелом. Был взят курс на уничтожение всех прочих судебных систем кроме советской, опирающейся на иерархию народных судов. Наряду с шариатскими судами были уничтожены земельные комиссии и прочие судебные институты 1920-х годов. Однако полностью искоренить полиюридизм правовой культуры кавказских горцев не удалось. В период «застоя» правовой плюрализм из явной, эксплицитной формы перешел в слабую, имплицитную. Советские народные суды вобрали в себя целый пласт досоветских адатных и шариатских традиций. Вместе с тем с ведома и при поощрении властей создавались новые традиции уже в советском духе, которые постепенно перемешивались с местными правовыми нормами. Возникла новая «гибридная» правовая ситуация, в которой коренятся и постсоветские движения за возрождение шариата и адата у северокавказских мусульман.

Примечания

¹ Le pluralisme juridique. Brussel, 1971.

² Merry S.E. Legal Pluralism // Law Soc. Rev. 1988. V. 22. № 5. С. 870.

³ Moore S.F. Law and Social Change in the Semi-autonomous Social Field as an Appropriate subject of Study // Law Soc. Rev. 1973. № 7. P. 720.

⁴ Griffiths J. What is Legal Pluralism? // J. Legal Pluralism. 1986. № 24. P. 1; *idem*. Recent Anthropology of Law in the Netherlands and its Historical Background // Anthropology of Law in the Netherlands. Foris, 1986. P. 5.

⁵ Мусаева М.К. Хваршины. Махачкала, 1995. С. 146; Перищиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Обществ. науки и современность. 1998. № 1. С. 81; Обычное право и правовой плюрализм. Матер. XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г. М., 1999. С. 5, 7, 210; Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999. С. 4–5. Ср.: Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии (г. Звенигород, 22–29 мая 1999). М., 1999. С. 4–5.

⁶ Бабич И.Л. Указ. раб.

⁷ Перищиц А.И., Смирнова Я.С. Указ. раб. С. 82–83.

⁸ Подробнее об этом см.: Бобровников В.О. Суд по адату в дореволюционном Дагестане (1860–1917) // Этнограф. обозрение. 1999. № 2. С. 31–45.

⁹ Ленин В.И. Замечательное дело // Соч. изд. 4-е. Т. 15. М., 1948. С. 149.

¹⁰ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Автореферат // Там же. Т. 19. М., 1949. С. 273.

¹¹ Голунский С.А. Обычай и право // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 51.

¹² Например, см.: Woodman G.R. How State Courts Create Customary Law in Ghana and Nigeria // Indigenous Law and the State. Dordrecht, 1988. С. 181–220.

¹³ Баймурзаев А.Б. Формирование социалистического правосознания народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 74.

¹⁴ Правда. 1919.14.11; Киров С.М. Избранные статьи и речи. М., 1957. С. 128; Баймурзаев А.Б. Указ. раб. С. 70.

¹⁵ Сталин И.В. Соч. Т. 4. М., 1947. С. 395–396.

¹⁶ Рукописный фонд Ин-та истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее – РФ ИИАЭ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 32–33; Караев К.П. Воспоминания. Махачкала, 1968. С. 9.

¹⁷ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 102.

¹⁸ РФ ИИАЭ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57. Л. 39–41.

¹⁹ Съезды народов Терека. Т. 1. Орджоникидзе, 1977. С. 158.

²⁰ Бобровников В.О. Махкама шар'ийа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 2. М., 1999. С. 61–62.

- ²¹ *Бабич И.Л.* Указ. раб. С. 164.
- ²² Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13.
- Л. 3.
- ²³ *Бабич И.Л.* Указ. раб. С. 163–164.
- ²⁴ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 31. Л. 5–15.
- ²⁵ Там же. Л. 4; Оп. 20. Д. 54. Л. 143.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 64, 64 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Подсчитано по Отчетам окружных народно-шариатских судебных отделов 1920 – октября 1921 гг. См.: ЦГА РД. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 7; Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–17.
- ²⁹ *Бобровников В.О.* Махкама шар'ийа... С. 62; *его же.* Каяев, Али // *Ислам на территории...* С. 45.
- ³⁰ ЦГА ДАССР. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 9. Л. 2.
- ³¹ Справка о шарсудах из НКЮ на отношение ВЦИК от 12 сентября 1928 г. // ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 31. Л. 3.
- ³² Там же. Л. 3-4, 15
- ³³ Там же. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 2. Л. 64; Полевой материал В.О. Бобровникова 1997 г. Личный архив автора Оп. Шарсуды ДАССР. Д. 6.
- ³⁴ *Омаров А.С.* Система композиций в обычном праве Дагестана // Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы (далее – УЗ ИИЯЛ). Вып. 6. Махачкала, 1966. С. 256.
- ³⁵ ЦГА РД. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Постановление Ревкома Дагестана // ЦГА РД. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 59, 91; ср.: Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2. Л. 85; Ф. Р-117. Оп. 6. Д. 45. Л. 57; Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 54. Л. 143.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-178. Оп. 3. Д. 62. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Л. 32.
- ⁴¹ *Мисроков З.Х.* Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа (методические указания). М., 1979. С. 20.
- ⁴² ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 73. Л. 117; Оп. 24. Д. 31. Л. 12–13.
- ⁴³ Там же. Оп. 21. Д. 9. Л. 1-2, 13.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 24. Д. 14. Л. 60, 31.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-117. Оп. 6. Д. 45. Л. 56.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 85 об.
- ⁴⁷ См., напр.: ЦГА РД. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 9. Л. 158.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 31. Л. 12.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Р-209. Оп. 2. Д. 8. Л. 108; Ф. Р-117. Оп. 6. Д. 45. Л. 56.
- ⁵⁰ Там же. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 54. Л. 143.
- ⁵¹ Подробнее об этом см.: *Бабич И.Л.* Указ. раб. С. 163–168.
- ⁵² *Бобровников В.О.* Махкама шар'ийа... С. 62.
- ⁵³ *Мисроков З.Х.* Указ. раб. С. 12–13.
- ⁵⁴ Ср. ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 31. Л. 12–13.
- ⁵⁵ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 88.
- Л. 25. Цит. по кн.: *Мисроков З.Х.* Указ. раб. С. 11.
- ⁵⁶ *Бабич И.Л.* Указ. раб. С. 166.
- ⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Бобровников В.О.* Махкама шар'ийа... С. 63.
- ⁵⁸ Дагестанская правда. 1996. 16.03; 23.03.
- ⁵⁹ ЦГА РД. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 2054. Л. 195.
- ⁶⁰ Там же. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 9. Л. 158 об.; Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 13. Л. 55.
- ⁶¹ Там же. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
- ⁶² Там же. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 31. Л. 5
- ⁶³ Там же. Л. 17.
- ⁶⁴ История Дагестана. Т. III. М., 1968. С. 243–245; ср.: Дагестанская правда. 1996. 23.03.
- ⁶⁵ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 159. Л. 171. Д. 308. Л. 128–130.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 22. Д. 62. Л. 11а.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 21. Д. 9. Л. 1–2; Д. 14. Л. 60.
- ⁶⁸ Там же. Д. 14. Л. 22, 28.
- ⁶⁹ Там же. Ф. Р-37. Оп. 23. Д. 5. Л. 15. Подробнее об этом см.: *Даниялов Г.Д.* Строительство социализма в Дагестане, 1918–1937. М., 1988. С. 208–209.
- ⁷⁰ Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и Уголовных кодексов союзных республик. М., 1948. С. 496–497, 499, 503–504.

⁷¹ Там же.

⁷² Мокринский С.П. Преступления, составляющие пережитки родового быта // Сов. право. 1927. № 4. С. 109; ср.: Архив Дагестанского обкома КПСС (ныне в составе ЦГА РД). Ф. Р-1. Оп. 6. Д. 270. Л. 9–10.

⁷³ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 47. Л. 23; Ф. Р-168. Оп. 12. Д. 65. Л. 1–3.

⁷⁴ Там же. Ф. Р-37. Оп. 21. Д. 81. Л. 53; Дагестанская правда. 1951. 3.03; Советский Дагестан за 40 лет. Махачкала, 1961. С. 94.

⁷⁵ ЦГА РД. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 1148, 2052, 2054; Дагестанская правда. 1956. 6.10; Хашаев Х.-М.О. Пережитки шариата и вредных адатов и борьба с ними. Махачкала, 1957. С. 23–28.

⁷⁶ Там же. С. 4.

⁷⁷ Цадаца XI. Гадатазул жул. Махачкала, 1956 (на авар. яз.).

⁷⁸ Дагестанская правда. 1979. 28.04, 23.11; 1982. 7.05; 1983. 26.02; 1984. 28.06; 1985. 30.11. и другие номера за 1960–1989 гг.

⁷⁹ Дагестанская правда. 1978. 24.05. Подробнее об этом см.: История советского крестьянства Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1989. С. 367–368.

⁸⁰ Дагестанская правда. 1976. 1.02; 1979. 23.11; Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988. С. 215.

⁸¹ Архив Дагестанского обкома КПСС. Ф. Р-1. Оп. 113. Д. 25. Л. 292, Д. 27. Л. 148 и сл.; Дагестанская правда. 1979. 28.11. 1984. 29.06. Подробнее об этом см.: Bobrovnikov V. The Islamic Revival and the National Question in Post-Soviet Dagestan // Religion, state soc. 1996. V. 24. № 2/3. P. 234.

⁸² Это явление интересно сравнить с материалами книги «Изобретение традиций», в которой излагаются подобные феномены в Западной Европе XIX в. (The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. P. 1–4).

⁸³ Подробнее об этом см.: Бобровников В.О. Колхозная метаморфоза адата у дагестанских горцев (на примере багулал) // Homo juridicus. Матер. конф. по юридической антропологии. М., 1997. С. 196–198.

V. O. B o b r o v n i k o v. Sharia courts and legal pluralism in Soviet Dagestan

In this article Sharia courts of early Soviet Dagestan are considered through a discussion of the problem of «legal pluralism». The author argues that the Soviet regime established a new kind of indirect rule based on the Islamite (Sharia) law as opposed to the «colonial Adat». On the one hand, in contrast to the pre-Revolutionary «civilizing» approach to the legal institutions of Islam the Bolsheviks suggested introducing in the Moslem outskirts of the USSR an approach of «national and social liberation», but – on the other, the early Soviet Sharia courts proved to be successors to the main functions of the pre-Revolutionary Highland and of the Soviet People's courts in the socially semi-autonomous sphere of rural communities and districts. Through the reforms of the 1930's the stronger forms of legal pluralism were replaced by the weaker ones. The Soviet People's courts of justice turned to be an hybrid institution practicing both common and Islamite law as well as Soviet legal norms. The post-Soviet «Islamite (Sharia) revival» has emerged in the context of and as a reaction to such a hybrid legal situation.